

ность Февронии, как она изображается в легенде, намеренно подчеркивается писателем: княгиня — человек, наделенный даром провидения, для нее доступны дела, стоящие за пределами реальности, чудеса. Во всем же остальном автор повести выходит из круга сказочных и легендарных представлений. Они, очевидно, не охватывали всего строя личных чувств и общественных отношений, как они представлялись ему. Он рисует образ Февронии, любящей и преданной жены и незлобивой княгини, на заметку, но постоянно благотворно влияющей на управление княжеством. Как бы оттеняя ее высокие душевные качества, он показывает и князя Петра — мягкого, всегда колеблющегося в своих решениях человека, но с хорошей моральной основой, с годами приобретающего все более и более просветленный облик. И были князь и княгиня, — говорит автор повести, — „ко всем людем, под их властию сущим, аки чадолюбивый отец и мати“. Этой патриархальностью отношений между правителями и подданными больше всего дорожит писатель. Показав боярский мятеж и гибельные последствия его, он вкладывает в уста бояр рабоплеменные слова раскаяния: „Ныне со всеми домы своими раби ваю есмы. И хощем, и любим и молим, да не оставита нас раб своих!“

Идеальная личная жизнь и мудрое правление княжеством, — с точки зрения автора, — заслуживают ореола святости. Он и украшает им своих героев в последние моменты их жизни. Это третий аспект, в котором автор повести показывает Петра и Февронию. Но это не было основной задачей его труда, и поэтому здесь он предельно лаконичен. В этой части повести он окончательно покидает свой фольклорный источник. Он обнаруживает осведомленность в агиографическом мастерстве, хорошо знает специфически агиографическую образность, но все же и на последних страницах повести не подчиняет свое изложение житийной манере письма.

Лучшие страницы „Повести о Петре и Февронии“, крайне сложной и противоречивой по своему идейному смыслу, подсказаны автору исторической действительностью и богатым источником литературы его времени — фольклором. Являясь в известной мере выразителем демократических идей конца XV в., он в своей творческой работе опирался на местные муромо-рязанские народно-поэтические произведения именно потому, что они были родственны ему по своей демократической направленности. Но под его пером историческое прошлое муромо-рязанского княжества получило более конкретное и глубокое освещение чем в фольклоре: он показал образы прошлого, как они могли рисоваться человеку, очень близко стоявшему к уходящей с исторической сцены удельной Руси. И вместе с тем, на легендарно-историческом материале он поставил политические и социальные вопросы, волновавшие передовых людей конца XV века.